

языковое явление стоит в центре внимания исследователя¹, не исчерпывают всего многообразия проблематики, возникающей при его изучении, особенно, в сопоставительном плане.

Как указывалось выше, детерминологизация рассматривается автором данной работы как структурное и семантическое изменение термина.

Переход термина в нетерминологический контекст нередко сопровождается изменениями структурного характера: термин, представляющий собой сложную в структурном отношении единицу, превращается в простую. В семантическом плане происходит универбация² или семантическая конденсация, то есть концентрация его значения в одном слове. Например, термин «двигатель внутреннего сгорания» в славянских языках является комплексным образованием: ср. укр. *двигун внутрішнього згорання*, болг. *двигател с вътрешно горене*, схр. *мотор с вътрешногорелым*, польск. *silnik spalnowy*, чеш. *motor spalovací* и др. Вне терминологической микросистемы он чаще всего употребляется в славянских языках как простое образование. Подобного рода «конденсаты» не единичны в славянских языках. Ср., например, в польском.

„Niech mi pani powie, co to jest silnik“ (St. Grodzieńska, *Spotkanie ze mną*, Warszawa, 1966, стр. 15). Хотя в данном контексте речь идет об автомобильном моторе, для которого в польском языке существует комплексное название *silnik samochodowy*, в нетерминологическом контексте определение *samochodowy* опускается. При структурной редукции термина может опускаться как определяющее, так и определяемое слово: ср. рус. *реактивный* < *реактивный самолёт* и др.

В процессе структурной редукции и универбации комплексных терминологических наименований в нетерминологических контекстах реализуется один из важнейших принципов развития лексики — принцип экономии. Эллипсис одного из элементов термина — это, в первую очередь, факт речи. Однако не малочисленны случаи, когда из факта речи он превращался в факт языка³.

Нетерминологический контекст меняет и деривационные отношения термина. Комплексное терминологическое название, попадая в обиходную речь, подвергается структурно-семантическому сжатию по существующей в языке словообразовательной модели. Ср. совр. словац. *tryskač* — «реактивный самолет» из *tryskové letadlo*, *francúz* — «французские клещи» из *francuszké kliešte*; *nôž* < *tokarský nôž*; русск. *станок* < *токарный станок*; польск. *mikrofoniarz* < *operator mikrofonu* и т. д.

¹ См., например, В. Н. Прохорова, *Специальная терминология в современном русском литературном языке*, «Русский язык в школе», 1962, № 3; V. Budovičová, *Semantické princípy odbornej terminológie*, «Československý terminologický časopis», 1963, nr. 4; O. Man, *Termin a kontextové vzťahy*, «Československý terminologický časopis», 1965, nr. 2; Zd. Sochová, *Některé novinky v současné slovní zásobě*, «Naše řeč», 1965, nr. 4 и др.

² См. А. В. Исаченко, *К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков*, стр. 340; L. Horalik, *O univerbizační a homonymii z hlediska principu economy*, «Československá rusistika», 1967, nr. 3.

³ Было бы ошибочным считать, что указанные явления осуществляются лишь в процессе детерминологизации. Тенденция замены комплексных наименований простыми или сложными словами характерна и для процесса терминологического образования. Разница состоит лишь в том, что при детерминологизации данная тенденция является ведущей.